

## ВОСПОМИНАНІЯ

о въ Бозѣ почившемъ Преосвященномъ Теофилактѣ, бывшемъ епископѣ Кавказскомъ и Екатеринодарскомъ: его болѣзнь, труды послѣдніе дни жизни, кончина, погребеніе и поминъ о немъ.

11 Мая православная Церковь Русская празднуетъ память святыхъ братьевъ—Кирилла и Меодія, просвѣтителей Славянъ. 11 Мая отнынѣ пребудетъ тѣмъ еще болѣе памятнымъ для Ставрополя Кавказскаго, что сего числа и мѣсяца прошлоаго 1872 г. скончался въ немъ блаженной памяти Архипастырь нашъ, 9-ть лѣтъ трудившійся для церкви Кавказской, Преосвященный Теофилактъ,—мужъ науки и опыта, ревнитель вѣры и благочестія. Бывъ четвертымъ въ порядкѣ Епископовъ Кавказскихъ, волею Божіею, на Кавказѣ онъ сложилъ первымъ честные останки свои, въ знаменіе всегдашняго, всецѣлаго союза своего съ паствою. Миръ праху его! Изъ далекаго прошлаго святые братья—Кирилль и Меодій—завѣщали продолженіе трудовъ своихъ по распространенію вѣры и церкви Христовой въ Славянскихъ племенахъ, конечно, первѣе всего, Епископамъ. Смѣемъ думать, что въ Бозѣ почившій Архипастырь нашъ вполне понималъ завѣтъ

святыхъ Братевъ и, приѣмля его къ сердцу, нелѣбно рас-  
пространялъ и утверждалъ въ Славянской Православной Ру-  
си слово Христіанской истины и благочестія на всехъ сте-  
пеняхъ, на какихъ промыслъ Вышняго ставиль его для слу-  
женія истинѣ и благочестію. Вѣчная память ему! Пастыре-  
начальникъ Христосъ, во всемогущей десницѣ Своей содер-  
жащій судьбы церкви, какъ Вожественный Глава ея, и Самъ,  
изводящій въ свое время святелей и дѣятелей на село свое,  
да учинить и его душу тамъ же, идѣже отъ болѣзни и пе-  
чали, отъ въздыханій и трудовъ благовѣстія, почіють теперь  
во славу родные братья, просвѣтители Славянъ, — Меодій,  
святый Епископъ и Кирилль, святый Христіанскій философъ.  
Пресвященный Теофилактъ былъ сынъ діакона Калу-  
ской губерніи, и во святомъ крещеніи наречень Теодоромъ.  
Родился онъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1818 г., слѣдовательно умеръ  
на 55 году своей жизни. Не смотря на то, что онъ былъ  
примѣрнымъ отрокомъ и юношею по поведенію и усѣхамъ  
въ наукахъ, и тѣмъ радовалъ родителей и воспитателей сво-  
ихъ, молодость его, по крайней мѣрѣ для него самого, была да-  
леко не радостною: она вся прошла въ тяжеломъ трудѣ и не-  
малой нуждѣ. По бѣдности родителей своихъ, и онъ принад-  
лежалъ къ числу того большинства товарищей, которые, въ  
силу тойже нужды, обречены были вести жизнь суровую, пол-  
ную лишеній, о какихъ настоящее духовное юношество, осо-  
бенно наше Кавказское, не имѣетъ и понятія. Невѣроятная  
скудость жизненнаго предовольствія, крайняя недостаточность  
и бѣдность одежды, <sup>1)</sup> учёнь безъ учебниковъ изтомительный  
трудъ списыванія лекцій: вотъ черты, которыми, за немноги-  
ми изытїями, совершенно правильно можетъ быть охарактери-  
зована жизнь духовнаго юношества 30-хъ годовъ, когда учился  
Пресвященный Теофилактъ. Нужда, можно сказать, была  
причиною и той болѣзни его, зачатки которой получилъ онъ  
еще въ семинаріи, которую перенесъ затѣмъ съ собою въ ака-  
демію, съ которой боролся потомъ 35 лѣтъ, и отъ которой

1) На нашихъ глазахъ, изъ Владиміра пришелъ пѣвкомъ въ  
М. Д. Академію студентъ семинаріи В. М. У., впоследствии извѣ-  
стный археологъ, у котораго вся одежда состояла въ одномъ нан-  
ковомъ халатѣ.

наконецъ пошелъ въ могилу. Любопытно припомнить здѣсь разсказъ самаго Преосвященнаго о началѣ его болѣзни. Вотъ онъ: „Насъ, говорилъ Преосвященный, не пѣжили родители наши. Въ семинарскомъ товариществѣ у насъ немного было счастливицевъ, которые бы подъ праздники Рождества Христова, особенно же — Святой Пасхи и лѣтніе каникулы, могли рассчитывать на присылку за ними какой либо подоконной тележенки изъ дома: эта роскошь была удѣломъ не многихъ. Палку въ руки, краюху за пазуху и — въ путь на своихъ ногахъ. Такъ обыкновенно хаживалъ и я, и до времени, все было благополучно и выгодно: и повидишься, и не отрываешь отъ дѣла лошади и работника. Вотъ на 20-мъ году моей жизни, когда я былъ уже въ богословскомъ классѣ, захотѣлось мнѣ побывать дома на св. Пасху, чтобы провести этотъ праздникъ въ родной семьѣ и отвести душу, какъ говорили тогда, кусочкомъ поллучше. Не думая долго, по обыкновенію отправился я въ путь и на этотъ разъ пѣшкомъ же. Былъ апрѣль; освободившаяся отъ снѣга земля стала оттаивать, растворяться; дорога была грязная, ходьба трудная; отъ движенія тамъ и сямъ пробивался у меня потъ на тѣлѣ. Вотъ подхожу къ небольшой рѣкѣ. Въ обыкновенное время рѣка эта едва замѣтно струится по руслу; но на эту пору водополья, она разыгралась, вошла въ берега, а между тѣмъ моста и переправы на ней не было. Думаю: что дѣлать? Сбросилъ съ себя одежду верхнюю и нижнюю, завязалъ ее въ узелъ и въ этомъ положеніи, придерживая узелъ одною рукою надъ головою, пустился прямо вплавъ черезъ рѣку. Переплылъ благополучно; но дальше что? Пока на другомъ берегу одѣвался и обувался я, почувствовалъ тогда же сильную дрожь во всемъ тѣлѣ, отъ которой не могъ освободиться за тѣмъ на всемъ дальнѣйшемъ пути до родительскаго дома.“ Вотъ откуда начало его болѣзни!

Разсказъ этотъ показываетъ, что Преосвященный Теофилактъ прибылъ на Кавказъ, въ качествѣ Епископа, уже на 25 году своей болѣзни. Начальною болѣзнію его былъ желудочный катарръ, перешедшій затѣмъ въ чахотку.

Казалось бы, чего можно было ожидать отъ такого бо-

лѣзненнаго Архипастыря, какимъ явился на Кавказъ Преосвященный Теофилактъ? Вышло наоборотъ.

**Прот. В. Розалиевъ.**

(Прод. будетъ.)

### III.

## ВОСПОМИНАНІЯ

**о въ Возѣ почившемъ Преосвященномъ Теофилактѣ, бывшемъ Епископѣ Кавказскомъ и Екатеринодарскомъ.**

*(Продолженіе).*

Вступивъ въ управленіе Кавказскою Епархіею, Преосвященный Теофилактъ работалъ неунынно, работалъ такъ, что положительно изумлялъ всехъ насъ своимъ трудомъ и энергіею. Кромѣ личнаго характера, по свойству котораго онъ ни на минуту не могъ быть безъ дѣла, и святительской со-

вѣсти, которая требовала отъ него недремлемости въ отноше-  
ніи къ пастырямъ и пасомымъ, вызывали его къ труду и  
особня обстоятельству Епархіи. До прибытія его на Кавказъ, епископская кафедра, по-  
слѣ Пресвященнаго Игнатія, сиротствовала почти полтора  
года, и дѣль, неразмолотыхъ и не рѣшенныхъ, накопилось  
за это время очень много. Затѣмъ, чрезъ три года, послѣ-  
довало воссоединеніе съ Епархіею казаньскаго духовенства Тер-  
ской, а отчасти и Кубанской областей, съ огромнымъ коли-  
чествомъ таковыхъ же дѣль. Не упоминаемъ о вопросахъ ка-  
сательно улучшенія матеріальнаго быта духовенства, ни о  
вопросахъ о поддержаніи мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведе-  
ній, какъ бывшихъ тогда общими для всѣхъ епархіямъ Имперіи,  
хотя, тѣмъ не менѣе, для разрѣшенія первыхъ, и подготов-  
ленія къ таковому послѣднихъ, требовалось не мало и его  
личнаго участія и вниманія, равно какъ времени и труда.  
Въ силу такихъ то историческихъ обстоятельствъ Епархіи,  
скопленіе въ ней дѣль было такъ значительно, что покойный  
Пресвященный неоднократно ходатайствовалъ предъ Святей-  
шимъ Синодомъ о разрѣшеніи учредить для разбора дѣль  
воссоединеннаго духовенства особую мѣстную комиссію. Раз-  
рѣшенія, какъ извѣстно, не послѣдовало. Что оставалось дѣ-  
лать послѣ сего Архипастырю? Одно изъ двухъ: или предо-  
ставить дѣло своему теченію, или употребить чрезвычайныя,  
почти не человѣческія, усилія, призвавъ на помощь для сего  
всю энергію духа и, отдавъ труду весь остатокъ силъ сво-  
ихъ, возбудить къ тому же труду и другихъ. По личному  
характеру своему и совѣсти святительской, Пресвященный  
избралъ послѣднее. И, не обинуясь скажемъ, до того заси-  
живался онъ за ночною работою въ вельѣ, что нерѣдко за-  
сыпалъ надъ рабочимъ столомъ, и келейники съ трудомъ до-  
буживались его. До того утомлялся отъ труда и малосонныхъ  
ночей, что иногда его, заснуваго въ такомъ изнеможеніи  
надъ столомъ, не добуживались даже. Былъ примѣръ, что  
разъ, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ разбудить, перенесли его  
на постель, какъ ребенка, на рукахъ. И до того сосредото-  
чивался вниманіемъ, читая дѣло, или пиша серьезную бума-  
гу, что иногда не видѣлъ, какъ отворялись двери рабочаго

Кабинета, какъ входилъ его келейникъ, и долго не слышалъ многократныхъ окликовъ послѣдняго. Поражаемые необычнымъ, невиданнымъ ими дотолѣ, такимъ трудомъ, келейники, какъ домашніе его, умоляли его иногда поберечь себя и свое здоровье, и безъ того уже крайне ненадежное. Отвѣтъ былъ одинъ: не ваше дѣло, или: я знаю, что дѣлаю. Советоваль, умоляль, запрещаль, даже грозилъ вовсе отказаться отъ леченія его и достоуважаемый домашній врачъ его, А. Г. С., который, сразу же постигнуши его болѣзнь, съ такою сыновнею заботомъ заботою слѣдилъ за развитіемъ ея во всѣхъ періодахъ и такъ много помогаль ему: успѣха не было. Отвѣтомъ и ему было одно: не могу, или — нельзя; дѣла требуютъ дѣла. Что касается до насъ, Членовъ Консисторіи, и г. Секретаря Консисторіи, были времена, когда въ буквальный смыслъ, намъ какъ ученикамъ въ школѣ учитель, задаваль онъ уроки: самъ намѣчалъ дѣла, число ихъ и срокъ для разсмотрѣнія. И ни чѣмъ нельзя было столько порадовать его, какъ удачнымъ исполненіемъ труда, равно какъ и опечалить, даже возбудить въ немъ неудовольствие, какъ неудачею или промедленіемъ. Не скроемъ, то были тяжелыя для насъ времена.

Но не въ кельѣ только и среди насъ трудился добровольный мученикъ-Архипастырь: трудился онъ не менѣе и во время обзоренія Епархіи. Кто не слышалъ о ночныхъ бесѣдахъ его съ пастырями сель и станицъ, собираемыми имъ нарочито въ извѣстномъ мѣстѣ на пути слѣдованія? Далекое — за полночь, а бесѣда его еще длиться. Не смотря на усталость, а ему хочется еще и еще простереть къ нимъ слово о высокомъ призваніи ихъ, о взаимномъ трудѣ, нуждахъ и горѣ. Растрогивается самъ, растрогиваетъ порою до слезъ и своихъ собесѣдниковъ — пастырей. Могуче и тепло было слово его!

Положительно и безъ всякаго преувеличенія можно утверждать, что Преосвященный Теофилактъ весь былъ поглощенъ мыслію о трудѣ и неразлучною съ трудомъ святительскою думою о благоустройствѣ Богомъ ввѣренной ему Кавказской Епархіи. Случалось, проснется ночью и, на постели вспомянувъ о чемъ — либо нужномъ, тотчасъ же зажималь свѣчу и записываль это нужное карандашомъ, лежа или сяди,

смотря потому, былъ онъ бодръ, или слабъ. Смотришь, на утро и является уже неожиданно нечаянно требованіе, побужденіе или распоряженіе. Въ виду общаго блага Епархіи, онъ положительно на все обращалъ вниманіе, но изъ всего— всего болѣе однако беспокоили его нервные дѣла о священникахъ. Пишущему эти строки въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ говаривалъ часто: „какъ не поспѣшить! Въдь это не причетники; они (священники)—кормила, свѣтъ, соль своего прихода. Можетъ быть, кормило—то уже давно требуетъ поправки, соль обуреуетъ и свѣтъ тускнѣетъ,—а мы ничего не дѣлаемъ для предотвращения вреда и пресѣченія соблазна“.

Но всему есть предѣлъ. Лампада горитъ дотолѣ только, пока въ ней не истощился елей. Съ умаленіемъ послѣдняго, она только лишь теплится, далѣе только вспыхиваетъ, наконецъ или вовсе тухнетъ, или разрывается отъ раскаленія. Подобное случилось съ Пресвященнымъ Теофилактомъ. Подъ конецъ семилѣтняго пребыванія его на Кавказѣ, ясно стало обозначаться, что рядомъ съ трудами его шла непрерывно, развивалась и усиливалась и его болѣзнь. Жизненный елей его видимо истощался, тѣлесная храмина все явственнѣе давала примѣчать въ себѣ слѣды близкаго разрушенія. Могучій духъ его, столько лѣтъ превозмогавшій недуги тѣлесныя, хотя былъ въ немъ все тотъ же, вспыхивалъ все также, но недужное тѣло стало чаще отказывать ему въ своемъ служеніи. Камель и кровохарканіе стали у него чаще и сильнѣе,—дыханье труднѣе,—отъ худобы и малосочія сталъ по временамъ появляться зудъ во всемъ его тѣлѣ, до того рѣзкій и нестерпимый, что не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью; мучилъ его бессонницею и отсутствіемъ аппетита, даже угрожалъ его разсудку. Железные воды, которыми въ лѣтнюю пору такъ, по видимому, благотворно пользовался онъ прежде, правда помогли ему и въ 1870 году, равнымъ образомъ и попеченія доктора С. облегчали его зудъ и всякій разъ, казалось, поднимали его на ноги и скоро возвращали къ Архипастырскому труду: но все это, взятое вмѣстѣ, не сильно было остановить хода многолѣтней болѣзни, прилижавшейся къ своему концу. Съ осени 1871 г. Пресвященный Теофилактъ, за упадкомъ силъ и начинавшимъ появ-



латься у него головокруженіемъ, сталъ уже затрудняться въ служеніи Божественной Литургіи и если служилъ, то большею частію у себя въ Крестовой—раннюю. И примѣтно было, что совершеніе каждой литургіи было для него не малымъ подвигомъ. Такъ лампада Кавказской церкви видимо догорала!.

(Прод. будетъ.)

---

## ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

И.

### ВОСПОМИНАНІЯ

о въ Возѣ почившемъ Преосвященномъ Теофилактѣ, бывшемъ Епископѣ Кавказскомъ и Екатеринодарскомъ.

(Продолженіе).

Въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года, Преосвященный Теофилактъ совершилъ послѣднюю (раннюю) Божественную литургію въ своей Крестовой церкви, ровно за три мѣсяца и десять дней до блаженной кончины своей. Сослужившими ему тогда были: о. Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Тихонъ, — ключарь Кафедральнаго собора, о. протоіерей Стефанъ Ивановичъ Граниковъ, — жившій тогда при архіерейскомъ домѣ, нынѣ Варваринской церкви, священникъ о. Даниилъ Залѣскій и Крестовой Геромонахъ, тогда казначей, а нынѣ эконокъ, о. Игнатій. Это было именно 2-го числа, въ день Срѣтенья Господня. И такъ послѣднею и, если выразиться можно, лебединою пѣснью Архипастыря, въ которой вѣдомо или не вѣдомо, попрощался онъ, предъ лицомъ Возимъ, съ земною жизнію и Кавказскою паствою, какъ въ послѣдній разъ священнодѣйствовавшій Архіерей ея, было служеніе его въ знаменательный день Срѣтенья Господня. Во время служенія едва ужъ держался онъ на ногахъ; голова его склонялась невольнo долу, дѣлалъ возгласы чуть-чуть слышно даже и для сослужившихъ ему, съ трудомъ воздвѣвалъ руки и переводилъ дыханіе: то былъ уже живой мертвецъ! Библейскій старецъ Симеонъ, о которомъ упоминаетъ срѣтенское Евангеліе, нѣтъ сомнѣнія, былъ ближе въ тотъ день къ духу Архипастыря, удрученнаго, конечно, не лѣтами, какъ

праведный Симеонъ, по трудами и приближавшеюся къ концу застарѣлою болѣзнію. Равно понятіе была для него и та восторженная радость, какою прониклось все существо святаго старца въ тотъ великій, въ тотъ историческій моментъ, когда, въ трепетавшихъ рукахъ своихъ держа Богомладенца и, по глаголу отъ Святаго, прозрѣвая въ Немъ Спасителя міра, могъ наконецъ воскликнуть о себѣ: нынѣ отпускаши къ смертному покою раба твоего..... съ миромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Архипастырь предчувствовалъ уже, что дни его сочтены, что отпускъ и его изъ времени въ вѣчность уже близокъ, хотя для пользы паствы, не смотря на крайній упадокъ силъ своихъ, не подавалъ къ тому и вида. Пишущему эти строки, равно и другимъ, въ пароксизмахъ болѣзни своей, не разъ говаривалъ онъ: пора; такъ давно боленъ я, да и въ роду моемъ долѣе моихъ лѣтъ никто не жилъ.

Въ трудовой многосторонней жизни и дѣятельности своей, каковы—жизнь и дѣятельность вообще Епархіальныхъ Архіереевъ, Архипастырь естественно сталкивался нерѣдко съ болѣе или менѣе тяжелыми обстоятельствами, которыя и слагались не по его мысли, и разрѣшались не по его желаніямъ: при всемъ томъ позволяемъ себѣ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что христіанская душа его едва ли когда знала такое горе, которое бы надолго овладѣвало ею, и испытала такую скорбь, которая бы до глубины потрясала ее. Опираясь въ распоряженіяхъ своихъ всегда на ихъ благопотребность и законность, а въ разрѣшеніи дѣлъ—на строгій анализъ ихъ, болѣе же всего возверая во всемъ печаль свою на Господа, онъ былъ по большей части бодръ духовно. Возмущался, но не до унынія; огорчался, но не надолго. По большей части, что было вчера, то на завтра какъ бы не существовало для него, или же оставляло въ немъ едва замѣтный слѣдъ. Но едва ли не въ самую глубь души и, конечно, не на короткое время, залегли у него то горе и та скорбь, въ какія повергъ его не благоприятный исходъ дѣла о женскомъ епархіальномъ училищѣ, учрежденіемъ котораго въ городѣ Ставрополѣ такъ давно и такъ искренно озабочивался Архипастырь, чтобы помочь тѣмъ горю и нуждамъ.

дѣвиць, особенно же сиротъ-дѣвиць духовнаго званія, и—не успѣлъ! Говоримъ это не въ упрекъ кому—либо. Нѣтъ, говоримъ это въ качествѣ автора воспоминаній, по самой задачѣ своей обязаннаго сказать, что онъ видѣлъ и слышалъ въ данный моментъ, что онъ видѣлъ и слышалъ за тѣмъ и послѣ того.

Съ первой недѣли поста физическія силы окончательно стали покидать Архипастыря: онъ уже мало ходилъ, а чаще сидѣлъ въ креслахъ, и то съ великимъ трудомъ, и ему врачемъ его даже запрещено было говорить. Въ такомъ положеніи онъ провелъ весь постъ.

За день до Св. Пасхи, Архипастырь почувствовалъ себя какъ будто нѣсколько лучше и бодрѣе и рѣшился было служить на Пасху, о чемъ, съ вечера, сдѣлано было уже и распоряженіе: но святому желанію сему сбыться было не суждено. Мгновенно вспыхнувшая искра жизни мгновенно и угасла. А между тѣмъ, стосковавшая душою отъ давняго неслуженія, какъ пламенно желалъ онъ въ этотъ священный и всепродниственный день воздѣть руки свои горѣ въ сонмѣ іереевъ Божіихъ! Пишущему эти строки въ разговорѣ о духовной радости, объемлющей сердца вѣрующихъ въ тотъ день, высказался онъ (собственныя слова Архипастыря): „страшно даже и подумать, что въ такой день Архіерей будетъ не на своемъ мѣстѣ, а на постели!“ Жажда благодатная, святая! Только душа, проникнутая искреннею вѣрою и пылающая такою же любовію къ Богу, способна чувствовать такую жажду и такъ сильно отражать ее.

Послѣ литургіи, на первый день Пасхи, посѣтила болящаго Архипастыря положительно вся знать города; Архипастырь вышелъ, но христосоваться почти уже не могъ. Старался порою улыбнуться на искренній привѣтъ посѣтителей; но сквозь улыбку сама собою сказывалась грусть измученнаго страдальца. Въ этотъ разъ многіе изъ высокопоставленныхъ духовныхъ чадъ его паствы видѣли его живымъ уже въ послѣдній разъ и выходя отъ него, безъ сомнѣнія, почувствовали это. Помнится мнѣ, года полтора тому назадъ, съ о. Каедральнымъ протоіереемъ мы были позваны за чѣмъ—то къ Пресвященному Теофилакту; былъ онъ и въ то вре-

мя тоже тяжело боленъ. Видя его изнеможеніе, кто-то изъ насъ осмѣлился посовѣтовать ему не утомлять себя слишкомъ трудами, а повременамъ хотя давать себѣ и покой. Помолчавъ немного и, будемъ откровенны, нахмуривъ брови, Преосвященный въ отвѣтъ сказалъ намъ: „дѣтъ други, не такъ; не таковъ я. Пока не-во гробъ, не выпущу своего дѣла изъ рукъ“. Нужно было быть тамъ въ эту минуту, самому видѣть его и слышать, чтобы за тѣмъ понять, съ какою рѣшимостію и силою духа произнесены были эти, глубоко врѣзавшіяся въ мою душу, слова его. Точно, не смотря на крайній упадокъ физическихъ силъ, въ послѣдствіи и вовсе отказавшихся служить ему, мыслию и желаніемъ, до самой смерти своѣй, онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ правительственныхъ дѣлъ. Повѣрять ли, даже въ день смерти, когда уже не имѣлъ силы встать съ постели, былъ у него по утру Секретарь Консисторіи съ докладомъ, и хотя принять его немогъ, но чрезъ домашняго своего Секретаря все таки сказалъ ему: „пусть оставитъ бумаги, можетъ, улучу минуту просмотрѣть“. Необычайная твердость духа! Но труженическія руки его, особенно съ Пасхи, видимо опустились, и дѣло само собою, противъ воли его, стало выпадать изъ нихъ. Пакеты, полученные имъ съ почты далеко еще раньше Пасхи, равно какъ и тѣ, которые получались послѣ Пасхи, лежали не распечатанными. Отдано было имъ самимъ приказаніе представлять къ нему дѣла, не терпящія лишь отлагательства: но и тѣ стали тоже залеживаться. Резолюціи, какія были даны имъ съ первой недѣли поста до дня смерти его, были писаны рукою дрожащею и, не смотря на краткость ихъ, примѣтно написаны съ отдыхомъ: увы, перо отказалось служить труженику!

30-го апрѣля, Архипастыръ въ семь часовъ утра пожелалъ особороваться. Участвовали въ совершеніи надъ нимъ этого таинства: о. Ректоръ Семинаріи, о. Каѳедраальный протоіерей, о. ключарь, пишущій эти строки, о. протоіерей Стрелетовъ и духовникъ Архипастыря, маститый старецъ, священникъ о. Андрей Альшанскій. Преосвященный лежалъ на чемъ-то въ родѣ лавочки около стѣнки, отъ начала и до конца выслушалъ все послѣдованіе таинства съ такимъ глу-

бокимъ вниманіемъ, что, казалось, не проронить ни одного слова. Въ мѣстахъ трогательныхъ, какими вообще полны молитвы елеосвященія, равно какъ предъ Евангеліемъ и по прочтеніи онаго, благоговѣнно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Незамѣтно было въ немъ и тѣни малодушія, растерянности или унынія. Когда же, по совершеніи таинства, приподняли его и посадили: тогда, подумавъ немного и какъ-бы собравшись съ духомъ, обратился къ намъ и растроганнымъ голосомъ, съ глубокимъ чувствомъ, сказалъ: „пришелъ... для... меня.... други и—.... братія.... предѣлъ.... его же.... не преѣдъди; насталь.... и часъ.... проститься.... съ вами.... По совѣсти.... могу.... сказать, что.... всѣхъ.... васъ.... я любилъ.... искренно.... за.... честное житіе.... и труды.... хотя.... сознаюсь.... и не всегда.... одинаковъ.... былъ.... съ вами.... Но и... сего.... послѣдняго.... можно.... было.... бы избѣжать.... если..бы я не былъ.... такимъ.... болѣзненнымъ.... Простите.... меня.... кого,... изъ васъ... чѣмъ.... оскорбилъ... и... молитесь за м...ня. „Слова эти, какъ догадывается читатель, едва выговаривалъ онъ: мѣшали кашель и трудное, черерывающееся дыханіе. Глотая слезы, мы пали къ ногамъ Архипастыря. Это были послѣднія слова, слышанныя мною изъ устъ его. За тѣмъ Архипастырь всѣхъ насъ благословилъ и поцѣловалъ, равно благословилъ и другихъ, это только былъ при маслособорованіи. Когда же подошла къ нему настоятельница Ставропольскаго женскаго монастыря, Игуменія Серафима, Архипастырь такъ пристально и внимательно взглянулъ на нее и за тѣмъ, смотря на ея слезы, трогательно сказалъ ей: „болень я, мать! Молись за меня, попроси и сестеръ не забывать меня въ молитвахъ церковныхъ и келейныхъ“, и истинно отечески благословилъ ее дважды. Архипастырь, какъ извѣстно, никогда ничего не дѣлалъ безъ мысли и значенія. Думаемъ, двукратнымъ благословеніемъ Игуменіи онъ просилъ ей сугубаго благословенія у Господа. Думаемъ такъ потому, что Архипастырь зналъ и видѣлъ, что дѣлала и сдѣлала для обители эта, уже 40 лѣтъ монашествующая и 20 настоятельствующая, высокопочтенная старица. Послѣ послѣдней литургии, Архипастырь въ тотъ же день причастился Святыхъ Христовыхъ таинъ, принесенныхъ

къ нему въ келію священнодѣйствовавшимъ тогда іеромонахомъ.

2-го мая, вслѣдъ за визитомъ почтеннаго доктора Семенова, допущенъ былъ къ Преосвященному о. Каѳедральный протоіерей и нашель больнаго душевно спокойнымъ, даже веселымъ. Благословивъ его, Архипастыръ дружески пожалъ ему руку, что прежде обыкновенно случалось съ нимъ при особенно хорошемъ расположеніи духа. Прочитавъ же телеграмму, имъ, Каѳедральнымъ, совместно съ о. Ректоромъ Семинаріи, составленную на имя Преосвященнаго Исаакія, по его личному Архипастырскому распоряженію отправленнаго въ отдаленныя станицы Закубанскія и за переваль для обозрѣнія церквей, (телеграмма о возвратѣ сего послѣдняго въ гор. Ставрополь), Преосвященный съ особеннымъ удовольствіемъ сказалъ: „вотъ и прекрасно; а я все думалъ, въ какомъ-бы смыслѣ написать ее: или, или...“ и не договорилъ. За тѣмъ благодарилъ о. Каѳедрального и другихъ за вниманіе къ нему и даже присовокушилъ: „а я такъ не надѣялся на такое расположеніе ко мнѣ“. Это была послѣдняя беседа о. Каѳедрального съ Архипастыремъ.

По возвратѣ въ Ставрополь, Преосвященный Исаакій навѣщалъ Архипастыря каждый день и бывалъ у него подолгу.

Отъ 2-го мая и до дня смерти мы ничего незнаемъ о состояніи больнаго Архипастыря, кромѣ того, что въ это время онъ сподобился и еще причаститься святыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ три или четыре раза и, съ часу на часъ приближаясь къ смерти, въ душѣ своей все еще однако порывался къ труду.

Вотъ и 11-е мая,—день кончины Архипастыря. Присутствуя при этой кончинѣ, мы до глубины души были растроганы ею. Предемертная агонія Архипастыря началась съ трехъ часовъ по полудни. Архипастыръ и теперь, какъ во время маслособорованія, лежалъ на томъ же мѣстѣ, и теперь, какъ и тогда, былъ въ одномъ простомъ подрясникѣ съ скуфьею на головѣ. Хотя изрѣдка и чуть слышно, но сначала онъ стоналъ; за тѣмъ лежалъ совершенно сподойно, безъ всякихъ вздоховъ и стenanій, и чѣмъ дальше, тѣмъ все тише и тише становилось его дыханіе. Были при немъ тутъ все, съ кѣмъ дѣлилъ онъ свои труды, думы и бремя упра-

вления, и, во главѣ ихъ, Пресвященный Исаакій. Былъ и  
достопочтеннѣйшій Георгій Константиновичъ Властовъ, тог-  
дашній Ставропольскій Губернаторъ. Неождавшись не болѣе  
минуть пяти до послѣдняго дыханія Архипастыря, онъ вы-  
шелъ изъ кельи глубоко растроганнымъ, со слезами на гла-  
захъ. Отецъ Ректоръ, минуту черезъ нѣсколько, осѣнял  
крестнымъ знаменіемъ чело Архипастыря и дѣлалъ это до  
тѣхъ поръ, пока съ послѣднимъ, едва примѣтнымъ дыха-  
ніемъ его, [при мертвенномъ безмолвіи окружавшихъ, ангель  
смерти тихо и не примѣтно не воспріять къ себѣ святитель-  
скую душу его. Когда посредствомъ зеркала удостовѣрились  
въ дѣйствительности совершившагося факта: было тогда шесть  
часовъ по полудни.

Такъ въ шесть часовъ вечера, 11-го мая прошлаго  
1872 года, догорѣвъ, потухла лампада Кавказской церкви,  
девять лѣтъ просвѣтивъ ей свѣтомъ Христовымъ!

Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ. Ей, глаголетъ  
Духъ, почіють отъ трудовъ своихъ.

(Прод. будетъ.)



---

## ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

---

### I.

## ВОСПОМИНАНІЯ

О въ Возѣ почившемъ Преосвященномъ Теофилактѣ, бывшемъ Епископѣ Кавказскомъ и Екатеринодарскомъ. (\*)

(Продолженіе).

По смерти архипастыря, всѣ присутствовавшіе при погребеніи честныхъ останковъ его едемъ и при облаченіи, поражены были ужасомъ при взглядѣ на эти останки. Какъ могъ жить и дѣйствовать человекъ въ такомъ изможденномъ, въ такомъ иссохшемъ тѣлѣ!—каждый невольно подумалъ тогда. А онъ, благодатию Божию, жилъ и дѣйствовалъ, помня всегда, прежде всего и паче всего, что должно непременно *дѣлать, дондеже день есть*. Въ 7-ми часамъ тѣло покойнаго, облаченное по чину Архіерейскому во всю святиТЕЛЬСКУЮ одежду, честно руками іереевъ положено было на столъ, нарочито для сего изготовленный въ залѣ Архіерейскаго Дома, и Преосвященный Исаакій тотчасъ же началъ соборную паннихиду по усопшемъ. По окончаніи паннихиды, по его благословенію, послѣдовало чтеніе Евангелія, которое приняли на себя не только іереи и диаконы гор. Ставрополя, но и протоіереи—старцы и продолжали оное непрерывно до самаго погребенія. Въ 7 часовъ двѣнадцатикратный, мѣрный, печальный ударъ въ большой колоколъ отъ каждой изъ городскихъ церквей возвѣстилъ городу о постигшемъ его печальномъ событіи. Подобно электрическому току, удары эти потрясли сердца и слухъ православныхъ сыновъ гор. Ставрополя. Владыка умеръ! Преосвященный скончался!!!—толь-

---

(\*) См. № 1, 2 и 3.

во всюду и слышно было по улицамъ. И съ этими словами, съ той самой минуты, до выноса тѣла его въ Соборъ, близъ лежащія улицы въ Архіерейскому дому, отъ утра до полуночи, буквально были переполнены огромными толпами народа, то шедшими поклониться честнымъ останкамъ въ Возѣ почившаго Архинеастыря, то возвращавшимися уже оттуда. Скажемъ болѣе: даже отъ полуночи и до утра, заль, въ которомъ лежало тѣло покойнаго и читалось Евангеліе, не былъ пустъ, а всегда былъ наполненъ душами избранными. Конечно, это были вѣдомые Богу рабы Его, которые, питая искреннюю любовь къ Богу и ближнему, считали нравственнымъ долгомъ у гроба Архинеастыря провести ночь въ молитвенномъ подвигѣ за него. Конечно, въ числѣ ихъ были и тѣ члены осиротѣлыхъ семействъ, которымъ такъ много помогаль Архинеастырь. Какъ первую панихиду, такъ и всѣ послѣдующія, дважды въ день, совершаль всегда самъ Пресвященный Исаакій соборнѣ, при огромнѣйшемъ стеченіи народа. Отъ первой и до послѣдней панихиды, а равно при перенесеніи въ соборъ и погребеніи покойнаго Пресвященнаго, былъ всегда неотлучно и высокопочтеннѣйшій Георгій Константиновичъ Властовъ, бывшій Ставропольскій губернаторъ.

13-го числа назначено было перенесеніе въ Каѳедральный Соборъ тѣла въ Возѣ почившаго Архинеастыря. Вотъ церемоніаль этого перенесенія въ томъ видѣ, въ какомъ составленъ онъ почтеннѣйшимъ ветераномъ Кавказской Епархіи, ключаремъ отц. протоіереемъ Стефаномъ Ивановичемъ Грабниковымъ и утвержденъ Его Пресвященствомъ, Пресвященнымъ Викаріемъ, Епископомъ Моздокскимъ.

13-го Мая, гласитъ церемоніаль, съ 8-го часа по полуночи, градское духовенство приходитъ изъ Каѳедральнаго Собора съ крестнымъ ходомъ въ Архіерейскій Домъ; по совершеніи панихиды въ домовой церкви Пресвященнѣйшимъ Исаакіемъ съ духовенствомъ, устрояется для обратнаго шествія крестный ходъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди идетъ причетникъ Жаданъ съ фонарнымъ подсвѣчникомъ. За нимъ идутъ причетники Курицынъ, Кондратовъ, Польскій и Печеный съ крышкою отъ гроба; за ними

идеть псаломщикъ Посильловъ съ домовою иконою, за нимъ чиновники консисторіи: Рудневъ, Златорунскій, Пѣхотинъ и Крадѣевскій несутъ ордена на подушечкахъ; за ними чиновники же консисторіи: Васильевъ, Поповъ, Шрамковъ и Гливенко несутъ хоругви; за хоругвами канцелярскіе служители консисторіи: Промовендовъ, Прозоровскій, Надеждинъ и Флегинскій несутъ кресты и Божию Матерь запрестольныя. За симъ идутъ воспитанники духовнаго училища по четыре въ рядъ, за ними наставники и смотритель училища. За ними идутъ пѣвчіе по четыре въ рядъ (въ форменномъ одѣяніи) и поютъ стихиры и канонъ пасхи. За симъ идутъ о. архимандритъ, протоіерей и іереи по два въ рядъ и протоіерей Орловъ съ евангеліемъ. За нимъ іеродіаконъ Макарій несетъ митру и большой омофоръ на блюдь, а іеродіаконъ Артемонъ — крестъ и панагію на подушечкѣ; за ними иподіаконъ съ дикиріемъ и трикириемъ и преосвященнѣйшій Исаакій съ крестомъ въ рукахъ. Сзади преосвященнаго — протодіаконъ и діаконъ Мерцаловъ съ кадилами предъ гробомъ, лампадикъ съ свѣчею и посошникъ съ жезломъ. Далѣе — священники: Нобилитетовъ, Лободинъ, Залѣевскій и Борнуковскій и діаконъ: Бѣликъ и Краевскій несутъ гробъ (для перемѣны имъ назначаются іеромонахи: эконоомъ Нааанаилъ, казначей Игнатій, Алексѣй и Гедеонъ и діаконъ: Колесниковъ и Пигровъ), по угламъ гроба четыре воспитанника семинаріи несутъ четыре подсвѣчника и двѣ по бокамъ рипиды. За гробомъ идутъ родственники покойнаго преосвященнаго, воспитанники и наставники семинаріи. Когда процессія пойдетъ изъ архіерейскаго дома, въ это время начинается во всѣхъ церквахъ перезвонъ колоколовъ. По выходѣ изъ двора архіерейскаго дома, процессія идетъ на большую улицу и, по выходѣ на оную, имѣетъ быть литія: здѣсь духовенство Троицкаго собора присоединяется къ процессіи съ крестнымъ ходомъ. Затѣмъ литія имѣетъ быть противъ рядской церкви, изъ коей духовенство присоединяется съ крестнымъ ходомъ; далѣе процессія идетъ мимо думы къ пріюту, — около пріюта литія; здѣсь присоединяется къ процессіи духовенство пріютское съ крестнымъ же ходомъ. Отъ пріюта процессія идетъ въ Каменнорядный соборъ. По входѣ въ соборъ, гробъ становится на

приготовленномъ мѣстѣ (на колокольнѣ въ это время производится красный звонъ); за симъ отправляется паннихида по въ Вozъ почившемъ архинастырѣ; а по окончаніи, оной начнется чтеніе евангелія.

Церемоніаль этотъ выполненъ былъ не только съ буквальной точностію, но и съ полною торжественностію.

Погода на 13 мая стояла великолѣпная. Стеченіе народа по городу Ставролю на одномъ пунктѣ едвали дотолѣ было виданное. Сплошная масса больше, чѣмъ на версту, наводнила собою большую улицу, ея бульваръ, ея троттуары, окна и крыши домовъ. Малъ и старъ, богатый и бѣднякъ, трудовымъ потомъ снискивающій себѣ кусокъ хлѣба, военные и гражданскіе, словомъ—люди всѣхъ званій и состояній были тутъ. Гробъ архинастыря, несомый священными руками, былъ въ срединѣ этой массы. Шествіе продолжалось не спѣшно, — шагъ за шагомъ. Величественная по себѣ, а по характеру своему такъ строго христіанская, процессія дополнилась еще тою, умилвшею сердце, картиною, что въ началѣ ея присоединился къ ней немалочисленный сонмъ дѣвственницъ, духовную матерію ихъ приведенный къ гробу архинастыря въ ихъ полномъ иноческомъ одѣяніи (\*), а въ концѣ оной—и еще болѣе многочисленный сонмъ питомицъ заведенія св. Александры и женской гимназіи. Священно-церковнослужители были облачены всѣ въ свѣтлыя ризы, какъ бы на радостное торжество. Слухъ шествующихъ оглашался торжественными звуками пасхальнаго канона и стихирь, воспѣвавшихся на всемъ пути двумя хорами—архіерейскимъ и семинарскимъ—попеременно. Священное пѣніе сіе, улаждая сердце радостію во-

---

(\*) Иоанно-Маринскій женскій монастырь главнымъ образомъ организовался при покойномъ преосвященномъ: при немъ законченъ и освященъ теплый храмъ его и сооружены приличествующія св. обители колокольня и ограда; при немъ и въдѣствие его ходатайства предъ Св. Синодомъ, совершилось первое постриженіе въ мантию инокинь монастыря; а затѣмъ и всѣ остальные, удостоенныя пострига, пострижены были то въ мантию, то въ рясофоръ, по егоже собственному усмотрѣнію и благословенію;—обстоятельство это дѣлало не только умѣстнымъ присутствіе постриженныхъ дѣвъ при описываемой нами погребальной процессіи, но и дѣлало его трогательнымъ и назидательнымъ, внушая мысль, что дѣвственницы пришли проводить своего отца и благодѣтеля. Авторъ.

скресе́нiя Христова, возносило къ нему туда же на небеса—и благодарные взоры, какъ къ начальнику нашей вѣры и совершителю спасенiя, смертию своею нану смерть поправшему. Солнце, какъ бы нарочито, всею полнотою лучей своихъ служило этой священной процессiи. Въ природѣ все какъ бы смолкло, замерло. Ни одна лампада у гроба архипастыря не потагла на всемъ пути слѣдованiя его изъ дома до собора, и священныя хоругви, казалось, скорѣе плыли, чѣмъ двигались: такъ необычайно тиха была атмосфера! Въ процессiи и природѣ было что-то воистинну величественное, торжественное, взаимное, вмѣстѣ трогающее, вмѣстѣ и поучающее! Еслибы взоръ, восхищаемый торжественнымъ шествiемъ необъятной толпы, не встрѣчалъ въ срединѣ оной печальнаго гроба, а улаждаемый слухъ побѣдною пѣснiю воскресенiя Христа не былъ перерываемъ,—отъ времени до времени, печальнымъ возгласомъ о вѣчной памяти преставльшемуся: подумаль бы, что христіанскій городъ совершаетъ открытое празднованiе воскресенiя Христова, а отнюдь не печальную процессiю погребенiя архипастыря.

Когда гробъ архипастыря сталъ приближаться къ заведенiю св. Александры; его уже дожидался тутъ крестный ходъ отъ этой церкви, подобно тому, какъ точно также дожидался его у каждой церкви, мимо которой слѣдовала процессiя. Начальница заведенiя и всѣ служащiе при немъ, воспитанницы его, а равно и всѣ воспитанницы смежной съ нимъ женской гимназiи, были тутъ же и стояли какъ бы въ строю, —чинно и благоговѣнно дожидаясь честныхъ останковъ архипастыря. Отраднo было на сердцѣ при взглядѣ на этихъ юныхъ питомицъ христіанскихъ школъ. И еще отраднѣе было думать, что эти представительницы жизни юной, жизни только еще развивающейся, только еще приготавливаемой на полезное служенiе другимъ, такъ почтительно встрѣчаютъ въ Возѣ почившаго архипастыря, какъ главнаго представителя и блюстителя въ краѣ христіанской жизни и ея порядковъ.

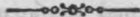
По совершенiи литiи по усомнемъ противъ церкви заведенiя, начальница и всѣ воспитанницы заведенiя и гимназiи, вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ, также присоединились къ процессiи. Процессiя приблизилась къ концу почти ровно

черезъ два часа, совершивъ въ такое немалое время около двухъ только верстъ. Да, день перенесенія честныхъ останковъ въ бозѣ почившаго архинастыря изъ дома въ Кафедральный соборъ, останется на долго памятнымъ для города Ставрополя. Православный городъ нашъ далъ въ этотъ день громкое свидѣтельство, что въ русскомъ народѣ, исповѣдующемъ православную вѣру, и теперь, какъ прежде, не только свято хранится подобающее уваженіе къ сану епископскому, но что въ немъ равномерно глубоко коренится сознаніе и того, что епископскому служенію, какъ служенію всеѣмъ званіямъ и состояніямъ страны, достойно и праведно подобааетъ сочувствіе и уваженіе также отъ всеѣхъ званій и состояній страны. *Достоинъ дѣлатель мзды своея.*

Погребеніе покойнаго архинастыря совершено 15 мая, что было въ понедѣльникъ. Въ 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ утра мѣрные, печальные удары большого колокола, раздававшіеся съ колокольни Кафедральнаго собора, возвѣстили городу о наступленіи сего событія. Не смотря на то, что день былъ базарный, православные толпами устремились къ собору, въ скорости наполнили его внутренность и моремъ волновались вокругъ собора и на всей соборной площади. Какъ литургію, такъ и погребеніе совершалъ преосвященный Исаакій. Къ погребенію прибыли не только окрестные священники, но и нѣкоторые дальніе, верстъ за 100. Однихъ священниковъ участвовало въ погребеніи 39 человекъ. Военные и гражданскіе чиновники явились въ полныхъ мундирахъ и, послѣ погребенія, всѣ почтили своимъ присутствіемъ какъ панихиду въ домѣ покойнаго, такъ и поминальный обѣдъ по немъ. Погребеніе кончилось ровно въ <sup>1</sup>/<sub>2</sub> перваго часа по полудни. Замѣчательно, до дня погребенія архинастыря страшная стояла засуха на Кавказѣ. Во всю весну, въ городѣ Ставрополѣ не выпало почти ни капли дождя. Но едва лишь совершено было погребеніе его, какъ надвинулись тучи и прошелъ обильный съ громомъ дождь. Явленіе это для нѣкоторыхъ показалось знаменательнымъ и какъ будто обозначающимъ, что почившій архинастырь обрѣлъ благодать у Господа. Не пререкаю душамъ вѣрующимъ, потому что въ глубинѣ моея совѣсти несомнѣнно знаю, что мы похоронили въ немъ не только

великаго труженика на поприщѣ высокаго своего званія, но и полнѣйшаго дѣвственника. Почій, почій же съ миромъ архипастырь нашъ, и не забуди въ небесныхъ молитвахъ твоихъ сыновнѣ почтившей блаженную кончину твою Кавказской паствы!

*(Окончаніе будетъ).*



## ВОСПОМИНАНІЯ

о въ Возѣ почившемъ Преосвященномъ Теофилактѣ, бывшемъ Епископѣ Кавказскомъ и Ека-  
теринодарскомъ.

(Окончаніе.)

Надъ гробомъ въ Возѣ почившаго Архипастыря сказа-  
ны были двѣ рѣчи и два слова. Въ этихъ словахъ и рѣ-  
чахъ, по крайней мѣрѣ, для перваго биографическаго очерка  
жизни и дѣятельности покойнаго, довольно достаточно бри-  
сованы Его жизнь, Его личный характеръ, равно какъ харак-  
теръ Его дѣятельности вообще и Архипастырской въ особен-  
ности, и наконецъ глубоко—трогательно переданы послѣдніе  
завѣты Его паствѣ. Трудъ передать послѣднее принялъ на  
себя Преосвященный Исаакій. Въ слѣдъ за прощаніемъ, во  
время погребенія, стихирю: *приидите, братія, дадимъ  
послѣднее цѣлованіе умершему.*—Святитель сошелъ съ мѣ-  
ста, какое дотолѣ занималъ у гроба и, взошедъ на амвонъ,  
растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ повторилъ  
начальныя слова только что хоромъ пѣвшихъ прощаніемъ уми-  
лительной стихирь. „Приидите, сказалъ онъ,.... дадимъ те-  
перь съ любовію послѣднее цѣлованіе умершему, но... те-  
перь же, братія, выслушаемъ со вниманіемъ и послѣдніе за-  
вѣты къ намъ сего умершаго. Гробъ и могила не такъ, на



самомъ дѣлѣ, мрачны и безгласны, какъ кажется: и изъ нихъ сияетъ свѣтъ и слышатся уроки.“ Въ дальѣйшемъ развитіи мыслей Святитель—проповѣдникъ съ каждыиъ мгновеніемъ давалъ все болѣе и болѣе чувствовать силу своего слова и искренность убѣжденія: слышны были въ церкви мѣстами вздохи, видны были у многихъ на глазахъ слезы. Вспоминаемъ это не затѣмъ, чтобы сказать что нибудь въ похвалу проповѣднику, въ которой Святитель не нуждается и не для которой, очевидно, въ минуту общей печали церкви Кавказской, почтилъ онъ и словомъ въ Божѣ почившаго Архипастыря ея. Говоримъ это за тѣмъ, что бы въ качествѣ автора воспоминаній, дать только отчетъ о данной минутѣ. Остальными проповѣдниками надъ гробомъ Архипастыря были: о. Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Тихонъ, о. Каѳедральный Протоіерей Стефанъ Алексѣевичъ Гливенко и пишущій эти строки. Слова и рѣчи проповѣдниковъ много облегчили трудъ автора воспоминаній, давъ ему возможность въ своихъ воспоминаніяхъ—или вовсе пройти молчаніемъ то, о чемъ достаточно сказано въ словахъ и рѣчахъ,—или же коснуться этого только въ краткихъ чертахъ. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщается только слово послѣдняго проповѣдника, такъ какъ оно, объемля содержаніемъ своимъ, хотя и вкратцѣ, жизнь Архипастыря до вступленія его на Святительскую Каѳедру Кавказской церкви, имѣеть, очевидно, органическую связь со всеми статьями „воспоминаній“ о немъ.

Кромѣ годичнаго поминовенія, къ какому, въ силу официального распоряженія Епархіальнаго Начальства, обзывалась вся Кавказская Епархія, о въ Божѣ почившемъ Архипастырѣ совершался непрерывный сорокоустъ не только въ церквахъ г. г. Ставрополя, гдѣ дѣло это, по обычной всенедельной службѣ, не представляло труда, но и въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ, и при томъ даже въ одноштатныхъ, гдѣ непрерывное сорокодневное служеніе, особенно въ послѣднихъ есть не малый трудъ, почти—подвигъ. Были примѣры, что духовенство, въ составѣ цѣлаго благочинія (благочиніе Іакова Воскресенскаго) къ сороковому дню послѣ смерти Архипастыря съѣзжалось въ свой центръ для помина объ немъ, совершало въ тотъ день соборное служеніе

и торжественную панихиду: явное свидетельство, что въ средѣ духовенства очень многие любили Архипастыря искренно, сыновне. Увѣдомленный о смерти покойнаго телеграммою, бывший первымъ Епископомъ Кавказской церкви, нынѣ проживающій на поковъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, Пресвященный Геремія, служилъ по немъ за упокойныя литургіи въ нарочитые дни сорокоуста. Ублажая кончину покойнаго и долю его называя завидною въ томъ отношеніи, что въ порядкѣ Кавказскихъ Епископовъ, бывъ четвертымъ, онъ первымъ сложилъ тамъ честныя останки свои и, такимъ образомъ, пребываетъ ими неразлученъ навсегда съ своею паствою, маститый старецъ—Святитель въ отвѣтномъ письмѣ своемъ на телеграмму писалъ къ Игуменіи Ставропольскаго женскаго монастыря, что, при всей помощи своей, о упокоеніи преставившагося Архипастыря святаго церкви Кавказскія и онъ приносилъ уже безкровную жертву Господу Богу въ 6-й, 9-й и 20-й дни послѣ смерти Его. Выказалъ къ покойному все знаки почтенія и преемникъ Его, настоящій Архипастырь нашъ, Пресвященный Германъ. При первомъ же вступленіи своемъ въ Кафедральный Соборъ (что было вечеромъ 20-го Юлія прошлаго 1872 года), не смотря на утомленіе отъ пути, а еще болѣе отъ продолжительнаго благословенія порознь въ огромномъ количествѣ встрѣтившей его Губернской паствы, и поздній вечеръ, не преминулъ тогда же спуститься въ усыпальницу покойнаго, что-бы поклониться тамъ праху Его. Затѣмъ полугодичное и годичное поминовеніе покойнаго почтено было Архіерейскимъ служеніемъ и, при послѣднемъ, Пресвященный Германъ не только въ соборѣ служилъ соборно панихиду по немъ, но и литію въ усыпальницѣ Его. Не сиротствуетъ могила въ Бозѣ почивааго Архипастыря и теперь. Отъ времени до времени и доселѣ посѣщаютъ ее не только горожане, но и прибывшіе изъ селеній и станицъ, а нѣкоторые служатъ и панихиду по немъ.

Други и братія! помянемъ и впредь покойнаго Архипастыря нашего добрымъ словомъ—однимъ добромъ. Помимо всего, такой памяти отъ насъ онъ заслужилъ однимъ уже догровременнымъ самоотверженнымъ трудомъ и не ушными

заботами о благѣ Епархіи. Къ чему особенно стремился Онъ, что сдѣлалъ для церкви Кавказской, на чемъ остановился, что кончилъ и что только началъ, въ чемъ успѣлъ, въ чемъ нѣтъ и почему: вопросы эти разрѣшитъ будущая исторія Кавказской церкви. Но, оставляя этотъ судъ будущему, мы и нынѣ, въ виду того, что прошло передъ нашими глазами, можемъ смѣло и громко сказать, что Пресвященный Теофилактъ не уронилъ дѣла Божія на Кавказѣ, и вполне убѣждены, что непристрастная исторія и будущее потомство отведутъ Ему видное мѣсто въ ряду Кавказскихъ Иерарховъ.

Миръ праху Его! Вѣчная память Ему! Да будетъ имя Его среди насъ и въ дальнихъ потомкахъ во благословеніи!